

УДК 141.76:159.9.016.1]:[244+27](520)

Ю. А. Яроцкая

Изменение воззрений на телесность в Японии под влиянием религиозных традиций

На основе культурологического анализа образа телесности в Японии прослеживается соотношение духовного и телесного начал в человеке. Рассматриваются некоторые аспекты трансформации представлений о теле и телесности под влиянием религиозных традиций буддизма и христианства.

В VI–VIII вв. в Японию из Китая начал проникать буддизм направления Махаяны, который не привнес изменений в существовавшие взгляды на телесность: по-прежнему буддийским монахам запрещались сексуальные отношения, адептам буддизма они были разрешены. Для последователей этого учения также были разработаны определенные табу, которые заключались в запрете сексуальных отношений с малолетними детьми, чужими невестами и женами, с осужденными.

В IX–XII вв. в Японии распространился культ будды Амиды (амидизм или буддизм Чистой Земли), и к XII–XIII вв. эта школа приобрела популярность среди населения. Ее последователь, буддийский монах Синран (1173–1263), отказался от предписываемого полового воздержания и воспитывал шестерых детей. В XII в. в Японии распространились школы дзен-буддизма, отвергающие догматизм, устоявшиеся философские концепции. Они проповедовали собственные методы познания, системы психологических тренингов и «духовных практик», также имели право вступать в брак [8].

Религиозно-философские воззрения и эстетические представления дзен-буддизма привнесли существенные изменения в повседневную культуру японского населения:

- снизилась социальная значимость женщины (материнство перестало рассматриваться как «благо» и перешло в категорию страданий);
- среди самураев распространилась практика сьюдо (сексуальные отношения между взрослым мужчиной и юношей). Ее возникновение примерно в XV в. было связано с уже существовавшей практикой тьюдо – сексуальными отношениями между буддистскими священнослужителями (бонзами) и их послушниками. Сьюдо была распространена до середины XIX в. (когда правительство Мэйдзи запретило гомосексуальные отношения).

В японской буддийской литературе периода Средних веков (XII–XV вв.) самыми распространенными антагонистами являлись женщины. «Женщины, согласно часто цитируемому переводу буддийской сутры, – это эмиссары ада, они навсегда отсекают семя Будды. Снаружи

у них есть лица бодхисаттв, но внутри они имеют сердца демонов» [10, с. 352]. Неудивительно, что начиная с периода Эдо (1603–1868) в культуре Японии образ женщины приобрел демонизированные черты. Была разработана демонология, в которую включили также расецу (на японском) или ракшасы (на санскрите) – злых существ женского пола, пожирающих заживо грешников в аду и пьющих их кровь.

Расецукоку, земля демонических женщин, была изолированной территорией, расположенной к югу от японских островов [Там же, с. 352]. Ее описание впервые появилось в литературной и визуальной японской культуре в период Хэйан (794–1185). На протяжении нескольких веков в буддийском и индуистском мировоззрении ракшасы (демонические силы) играли главенствующую роль.

Со временем остров женщин утратил свои мифологические черты и был перенесен на территорию реально существовавших японских городов.

С XVI в. благодаря трудам писателей Ихара Сайкаку (1642–1693) и Хирага Геннай (1729–1779) этот остров стал ассоциироваться с районами удовольствий («районами красных фонарей») [Там же, с. 370]. Эта аналогия стала уместной, поскольку районы удовольствий, такие как токийский Ёсивара, киотоский Симабара и другие при районировании городов всегда находились на периферии, были изолированы ограждениями, иногда рвами и часто граничили с водой.

В этот период времени активно шла политическая борьба с буддизмом и христианство, проникшее на территорию Японии в середине XVI в., рассматривалось как альтернатива ему. Так, например, Ода Нобунага (1534–1582), пытавшийся объединить разрозненные японские земли под единоличным управлением, в 1571 г. сжег монастырь Энрякудзи недалеко от Киото со всеми его адептами [4, с. 193]. К этой борьбе активно подключился и японский правитель Франциско Бунго, крещенный в христианской вере и разрушивший до трехсот буддийских храмов [2, с. 75].

Ввиду этого противостояния, Ода Нобунага позволил католическим миссионерам заниматься прозелитизмом на своих территориях. В 1568 г. с его разрешения был сооружен «Храм южных варваров» (яп. «Намбадзи»), расположенный в Киото, который был назван в честь первого миссионера на территории Японии – иезуита Франциска Ксавье [9, с. 29].

Стремление объединения всех земель под верховной властью Нобунага, а также беспрепятственное распространение нового вероучения привели к его убийству в 1582 г. (Акэти Мицухидэ сжег замок Нобунага) [3, с. 9]. Преемником Нобунага стал Тоётоми Хидэёси (1537–1598). С началом его правления адепты христианства на территории японских островов постепенно ограничивались в правах. Окончательно

христианство на территории Японии было запрещено в 1638 г. после подавления первого в истории страны христианского восстания, так называемого Симабарского восстания.

После усмирения восстания японскими чиновниками была придумана система регистрации населения страны в буддийских приходах («домашних храмах»). С целью выявления принадлежности людей к буддийской вере регистрация была обязательна для всех и ежегодно повторялась [7, с. 15]. Однако подобное нововведение не привело к полному уничтожению запрещенной религии.

Тем более с христианством в Японию пришли неизвестные западные технологические и культурные достижения, такие как порох, огнестрельное оружие, очки, клавикорд, орган и др., новые смысловые коннотации для японских терминов «грех», «вина», «искупление» и т. д., западное отношение к телесности. Сексуальные действия стали ассоциироваться со злом и опасностью. Запрещались любые сексуальные отношения, за исключением супружеских, но и они строго регламентировались.

Между первой и второй волной миссионерства прошло около двух столетий. В середине XIX в. Япония отказалась от политики изоляции и открыла свои морские порты для иностранных торговцев. Однако европейцы, характеризуя японцев «как народ образованный, организованный, чистоплотный, воспитанный и трудолюбивый, по-прежнему продолжали возмущаться тем, что японцы совершенно не стесняются своей наготы, а их отношения между полами отличаются полной «безнравственностью»» [6].

Подобное возмущение европейцев было связано с повседневной культурой японцев, бытовавшей в XIX в.: деятельность совместных публичных бань для мужчин и женщин (яп. сэнто), процветание полигамии среди богатых японцев, популяризация эротических гравюр (яп. сюнга), рекламирование кварталов удовольствий, кормление грудью детей на улицах городов, а также частичное оголение малообеспеченных слоев населения страны во время тяжелого физического труда [Там же]. В стране существовал особый регламент на демонстрацию обнаженного тела или его художественного изображения, связанные с общественным мнением, чем выше был социальный статус человека, тем меньше он имел права публично оголяться. В соответствии с этим правилом на улицах городов нельзя было встретить полуобнаженными богатых японцев. Публично оголяться разрешалось только малообеспеченным японцам, которые занимались низкокотирующимся трудом (работа в поле и т. д.). В Японии существовала также низкостатусная группа «хинин» (яп. «нечеловек»), которым запрещалось носить кимоно ниже колен, а также отращивать волосы и собирать их в хвост (представители этой группы коротко стриглись). Кроме того, жизнь хинин не была за-

щищена японским законом: любой самурай имел право их убить по той или иной причине [1, с. 154].

В середине XIX в. японское общество оставалось сословным. Выделялись четыре основных сословия: самураи, крестьяне, торговцы, ремесленники. Переход из одного сословия в другое строго запрещался. Принадлежность человека к определенному социальному классу определялась по одежде. Например, ношение шелкового кимоно, меча и кинжала разрешалось самураям. В соответствии с ранговой системой костюмы представителей японской элиты отличались цветом, фасоном, декором, аксессуарами, головными уборами и т. д. [6]. Кроме того, людям высокого положения запрещалось посещать публичные бани, поскольку в сэто человек оголялся, а значит, лишался своего статуса. Самураю также предписывалось воздержание от публичных бань, так как во время мытья он оставался без главного атрибута своего сословия – меча [Там же].

На средневековых рисунках и гравюрах встречаются изображения обнаженных детей, людей, которые проигрались в азартные игры, грешников в аду – то есть лиц, потерявших (или еще не обретших) социальный статус. Преступников, как правило, в Японии допрашивали, пытали и казнили полуобнаженными. На их кожу наносились татуировки, свидетельствующие об их злодеяниях. Цветные татуировки, покрывающие значительную часть кожного покрова, были широко распространены среди городских низов, но самураям их делать было запрещено [1, с. 131].

Таким образом, в японской традиции нагое тело было показателем разрушительной силы, страсти, которая подвергалась осуждению. А одежда как символ культурности свидетельствовала о высоком статусе, занимаемом человеком в общественной иерархии. В традициях христиан, независимо от места человека в обществе, нагота всегда была под запретом. Приведем, например, следующий факт. Японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов, удивляло, что в жару «на [российском] корабле всякий обливался водой два-три раза в день. Русские при любой жаре донага не раздевались и, даже обливаясь водой, оставались в однослойной одежде» [6].

Рассмотрим особенности восточной духовной традиции во внебрачных отношениях. В западной христианской культуре они строго табуированы. В Японии сексуальные отношения женатого мужчины не со своей женой носили правовой характер. Нормы семейно-брачных отношений были зафиксированы в исторических японских источниках. Из письменных памятников известно, что в Японии существовала социальная полигамия. Браки заключались родителями молодых без их согласия и личного знакомства. В брачных отношениях придерживались правил, запрещающих супругам выражать свои чувства (жестами в том

числе) в присутствии даже собственных детей, так как «истинной целью брака в этой стране считается рождение детей и гарантия <...> преемственности в жизни семьи» [1, с. 131]. Супругу позволительно было пользоваться услугами гейши.

Стать гейшей могла любая японка. После долгих лет обучения гейша могла мастерски музицировать, танцевать и петь, уметь делать массаж, а также развлекать гостей разговорами и пр. (без оказания сексуальных услуг), то есть они овладевали умениями, свойственными японкам из высших слоев общества.

Альтернативу гейшам составляли девушки из кварталов развлечений, оказывающие за деньги сексуальные услуги (яп. юдзё). Обычно это были девушки из бедных семей, в которых родители не могли оплачивать их обучение либо продавали из-за отсутствия возможности их содержать. Они имели низкий социальный статус и отличались по внешнему виду от гейш: пояс на кимоно они завязывали спереди (у гейш узел завязывался сзади). Стоимость услуг девушек из кварталов удовольствий стоила гораздо дешевле вечеров, проведенных с гейшами. Чаще всего мужчины пользовались услугами юдзё после посещения гейш. В кварталах удовольствий девушки, оказывающие сексуальные услуги, находились снаружи дома, и мужчины, рассматривая их, выбирали себе спутницу на вечер (главным правилом для юдзё при демонстрации себя потенциальным покупателям – показ равнодушного выражения лица).

Что касается вечеров, проведенных с гейшей, то в них никогда не входило оказание сексуальных услуг клиентам, но и здесь были исключения. Механизм отношений с гейшей в качестве сексуального партнера заключался в следующем:

а) обязательное заключение договора между мужчиной (патроном) и домом, нанявшим гейшу;

б) в договоре должны быть прописаны гарантии, что в случае расставания с патроном гейша получит денежное вознаграждение, которое позволит ей содержать свой дом;

в) если у гейши имеется ребенок, которого патрон хочет воспитывать совместно со своими детьми, он имеет право обоим привести в свой дом. Но гейше в доме мужчины отводится только роль прислуги. Отношения между гейшей и ее ребенком полностью прекращаются, поскольку матерью для ребенка становится законная супруга патрона [Там же, с. 131].

Материально содержать любовниц могли себе позволить только богатые японцы. Все остальные слои населения посещали либо дома с гейшами, либо публичные дома с юдзё. Но подобные визиты не держались в секрете от законных жен, чаще всего именно они помогали мужьям переодеваться к вечернему времяпрепровождению. Кроме того, вышеуказанные дома присылали счета для оплаты женам, которые рассчитывались за своих мужей.

кращению существования традиционных феноменов японской культуры, таких как эротические гравюры сюнга и кварталы развлечений, а с середины XX в. и культуры гейш.

1. Бекер, де Дж. Гейши. История, традиции, тайны / Дж. де Бекер. – М. : Центрполиграф, 2010. – 318 с.

2. Бесстремьянная, Г. Е. Христианство и Библия в Японии : в 2 ч. / Г. Е. Бесстремьянная. – М. : ОВЦС Моск. Патриархата, 2006. – Ч. 1. – 320 с.

3. Бесстремьянная, Г. Е. Японская православная Церковь. История и современность / Г. Е. Бесстремьянная. – М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 320 с.

4. Китагава, Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава ; пер. с англ. Н. М. Селиверстова. – СПб. : Наука, 2005. – 586 с.

5. Кунц, Е. В. Зарубежный опыт предупреждения преступности среди женщин / Е. В. Кунц // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2005. – № 1. – С. 128–131. – (Право).

6. Мещеряков, А. Тело обнаженное и тело одетое: японский вариант [Электронный ресурс] / А. Мещеряков. – Режим доступа: http://www.bakumatsu.ru/lib/Mescheryakov_Telo_obnazhennoe_i_odetoe.pdf. – Дата доступа: 29.09.2017.

7. Николай-до: Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников. – СПб. : Библиополис, 2001. – 223 с.

8. Резников, К. Ю. Запросы плоти. Еда и секс в жизни людей [Электронный ресурс] / К. Ю. Резников. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/ib7> // Книжный архив. – Дата доступа: 25.09.2017.

9. Саблина, Э. Б. 150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай / Э. Б. Саблина. – М. : АИРО-XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 525 с.

10. Moerman, D. Max. Demonology and Eroticism: Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination / D. Max Moerman // Japanese Journal of Religious Studies. – 2009. – Vol. 36. – № 2. – P. 351–380.

Y. Yarotskaya

Changing views on corporeality in Japan under the influence of religious traditions

Based on cultural analysis of the image of corporeality in Japan, the correlation between the spiritual and the body beginnings in a person is traced. Some aspects of the transformation of the ideas about the body and corporeality under the influence of the religious traditions of Buddhism and Christianity are considered.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.06.2019.